

вызывают определенный психологический дискомфорт, диссонанс, выражаемый, в частности в тотальном, всюду присутствующем выражении «как бы». Возможно, одной из причин характерного для нашего времени тревожного восприятия будущего, является, в частности, разрыв со сложившимися нормами, стереотипами мышления, поскольку подобные модификации феноменов сознания, позволяют легче вообразить невообразимое, и даже воспринять это в чудовищном облике того нарастающего мира «который поколеблет значимость знака, речи и письма» (Ж. Деррида). Обратим внимание на то, что обычно неприятие, тревогу вызывают не столько внешние признаки изменений, сколько понимание того, что начинаются глубокие внутренние подвижки. Почти во всех сферах деятельности человека наблюдаются процессы, приводящие к нарушению тысячелетиями формировавшихся способностей и замене их существенно новыми модификациями. Однако, с другой стороны, это создает условия для осуществления «шага к бодрствованию», поскольку ныне появляются возможности для активизации не только объясняющей, но и «памятливой мысли» (М. Хайдеггер), а также мысли видящей, сопровождающей нас на сложном пути постижения и понимания мира, становящегося все более емким и захватывающе-интересным «домом Бытия».

УДК 168

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ФИЛОСОФСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ Л. ШЕСТОВА ДЛЯ ПОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В.В. Никитина
Харьков, Украина

В мире всепоглощающего прагматизма, постоянной спешки как стремления обогнать собственную судьбу, сведения представлений о счастье к комфортности со значительно ослабленным духовным началом, замещением романтической любви любовью конфлюэнтной (Э. Гидденс) обесценивается возвышенно-духовное сущностное качество совместной жизнедеятельности людей. Но именно ориентация на формирование в процессе постоянного сопряжения внутренних и внешних человеческих миров трансцендентальных смыслов, переживаемых как сопричастность к «вселенскости», и стремления к их реализации и составляет специфику человеческой социальности (в отличие от социальности в животном мире), опасность постепенной утраты которой налицо. Поэтому задача современной философии как науки и учебной дисциплины – обеспечить насыщение трансцендентальными смыслами социального бытия и подготовить индивидов к творчеству смыслодеятельности, обращаясь при этом к богатству философской мысли, накопленной в отечественной истории. Одним из интереснейших отечественных философов, который поставил трансцендентальность человеческой жизнедеятельности, и прежде всего в области познания, в центр своих философских рассуждений, был Лев Шестов.

Л. Шестов обосновывал свой философский идеал в терминах апофеоза беспочвенности, понимаемой как процесс восприятия окружающего мира и фанта-

зирования через мироощущение «падения/полёта, восторга/ужаса, я один/они – все» [1, с. 46]. При этом он отмечал, что истина как раскрытие тайны мира и себя-в-мире и «существует лишь для того, чтобы разъединённые временем и пространством люди могли установить хоть какое-нибудь общение между собой» [1, с. 45]. Иными словами, социальная диахроничность и пространственная синхроничность требуют творения трансцендентальных смыслов как основы, фактора и средства приближения к истине. В связи с этим хочется упомянуть размышления американского мыслителя и публициста XX в. У. Липмана о том, что неправ был утилитарист Дж. Бенгам относительно безусловного приоритета счастья (удовольствия и безопасности) индивидов, из которых состоит сообщество. Если бы это было так, то молодые люди не умирали бы в боях за свою страну, а старые не сажали бы деревья, под которыми им никогда не доведётся сидеть. Люди, утверждает У. Липман, действуют, часто ориентируясь на «невидимое и неслышное и по большей части несуществующее сообщество», которое в своей целостности именуется народ [3, с. 43]. То же самое можно сказать об ориентации на Бога, на любой другой кажущийся практически недостижимым идеал, который зиждется на трансцендентальном знании.

Согласно философии Л. Шестова, трансцендентальность истины обуславливает, во-первых, то, что она, будучи открытой одним индивидом, не может быть обязательной для других людей. Более того, в испытании «самостью» (т.е. неверием в неё других) и заключается её основная ценность [3, с. 46]. Во-вторых, трансцендентальность истины проявляется, по Шестову, в том, что она активна. Последнее Л. Шестов описывает следующим образом: истина есть «некое живое существо, которое не стоит равнодушно и безразлично перед нами и пассивно ждёт, пока мы подойдём к нему и возьмём его. Мы волнуемся, мучаемся, рвёмся к истине, но и истине чего-то нужно от нас. Она, по-видимому, тоже зорко следит за нами и ищет нас, как мы её. Может быть, тоже и ждёт, и боится нас» [2, с. 158–159]. По прочтении этого высказывания создаётся впечатление, что истина как бы идёт навстречу стремящемуся её познать, словно играя с огнём, в значительной степени она сама выбирает, какими гранями повернуться к исследователю. А это есть характеристика в первую очередь интуитивного познания, когда истина неожиданно настигает ищущего её.

Современная методологическая ценность философских размышлений Л. Шестова заключается в том, что они позволяют обосновать методологический плюрализм познавательной деятельности, в том числе социального познания. Осознание глубины истины, её неисчерпаемости (истины тайны) и многомерности дают возможность говорить о различных путях подхода к ней. Её необязательность для других (по Шестову) – основа признания методологического плюрализма и взаимодополнительности основных парадигм социального познания (важно учесть, что принцип дополнительности предполагает выделение главной из них). Именно по этому пути идут разработки социальных философов и социологов в рамках так называемых интегральных теорий, стремящихся соединить теории структурализма (функционального структурализма) с теориями социального действия (теории, структуризации Э. Гидденса, коммуникативного действия Ю. Хабермаса, социального поля П. Бурдьё, акционализма А. Турена).

Также для понимания современной познавательно-творческой деятельности, особенно в сфере социального познания, имеет значение идея Л. Шестова об испытании истины тем, что тот, кто её открыл для себя, от неё не откажется и в условиях, когда она не является ни для кого обязательной, в том числе и для

субъекта познания, ибо истину «не удастся сделать своей собственностью» даже тому, кому она открылась [3, с.32]. В современном мире признанное допущение в академической научной среде парадигмального плюрализма, тем более в условиях разноуровневых и разнонаправленных социальных трансформаций, требует от учёного определённого мужества в отстаивании своего видения социальной проблемы и путей её решения. Причём речь идёт даже не об отстаивании этого видения перед другими, а прежде всего – перед самим собой.

Однако догматизация истины, особенно в постоянно и интенсивно меняющемся обществе, не может быть плодотворной. Нужны источники и стимулы научной неуспокоенности. И здесь можно найти подсказку в размышлениях Л. Шестова. Основой любого принципиально нового открытия, в том числе в области социальных отношений, является, по Л. Шестову, вера – вера в кажущееся недостижимым, невозможным, вера в неисчерпаемость истины. Только вера даёт возможность выхода за пределы возможного, к тому, что представляется большинству невозможным. Но не только в этом «гносеологическое» значение веры. Раз истина является активной (ей чего-то надо от познающего), то именно вера, которой «в противоположность знанию...не дано никогда торжество самоудовлетворения» и которая есть «...надежда, постоянное предчувствие великой неожиданности, тоска и неудовлетворённость настоящим и невозможности проникнуть в будущее» [1, с. 62], способна стать стимулом продолжения научного поиска даже в тех областях, где, казалось бы уже почти всё исследовано, нащупывания новых граней или новых подходов познания.

Сам Л. Шестов, например, «нащупал» новую грань познания, которую сегодня называют синергетической парадигмой и начинают активно использовать в социальных исследованиях, что значимо в условиях неустойчивости социального мира. В частности, Шестов характеризовал хаос как то, что «вовсе не есть ограниченная возможность, а есть нечто прямо противоположное: т.е. возможность неограниченная» [2, с. 233].

Таким образом, обоснование Л. Шестовым необходимости трансцендентальности познавательной деятельности является основой поиска источников и стимулов активизации различных подходов в социальном познании, способных расширить сферу видения социальных перспектив, социальных вызовов и угроз сохранения целостности и специфичности человеческого мира.

Список литературы

1. *Морева Л.М.* Лев Шестов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – 88 с.
2. *Шестов Л.* Сочинения в 2-х томах. – Т.2. На весах Иова (странствия по душам). – М.: Наука, 1993. – 559 с.
3. *Липман У.* Публичная философия / Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс. 2004. – 160 с.